

— Если ты такой император, то я, Лу Цзюэ, потратил полжизни впустую!

Се Цяо был на мгновение ошеломлён словами и действиями Лу Цзюэ, но, придя в себя, резко оттолкнул его руку, шагнул на возвышение и, возвышаясь над ним, указал на него:

— Лу Цзюэ, ты осмелился!

— Ваш слуга признаёт свою вину. — Лу Цзюэ опустился на колени. — Прошу Ваше Величество наказать меня по моём возвращении, и прошу освободить министра Лу.

Се Цяо рассмеялся, и слова, которые он давно держал в себе, вырвались наружу:

— Ты хочешь, чтобы я освободил этого упрянца? Остайся сегодня ночью со мной, и я освобожу его!

— Хорошо.

Лу Цзюэ выпрямился, его спина была прямой, как ствол нефритовой сосны. Он прямо смотрел в глаза Се Цяо.

Под тёплым пологом, в объятиях друг друга, они провели ночь.

На следующий день Се Цяо проснулся, и место рядом с ним было пустым. Все те безумные и нежные моменты прошлой ночи, будь то шёпот на ухо или объятия, казались далёким сном.

Было ещё рано, за окном только начинало светать, и слышалось пение цикад. Се Цяо позвал Сюй Лая и, словно невзначай, спросил:

— Когда вчера ушёл Лу Цзюэ?

Сюй Лай, помогая императору одеваться, украдкой взглянул на его лицо и, увидев удовлетворение в глазах, но отсутствие радости, осторожно ответил:

— Господин Лу ушёл прошлой ночью.

Он не осмелился добавить, что господин сегодня отправляется в поход, возможно, он поспешил в военный лагерь.

— Понятно. — Се Цяо с опущенными глазами скрыл свои мысли.

В Цзиньлине было жаркое лето, небо было ясным, и всё вокруг было ярким и чистым.

На помосте полководца Лу Цзюэ стоял в полном военном облачении, внушая уважение. Он опустился на одно колено, принял чашу вина от императора, одну возлил в честь неба и предков, одну — в честь императора, а третью — в честь солдат, стоящих в строю:

— Пусть предки благословят нашу Великую Шэн! Пусть покойный император с небес видит, что сегодня я, Лу Цзюэ, перед Вашим Величеством клянусь: пока не верну заставу Яньгуань, я не вернусь живым!

Барабаны громко били, знамёна развевались, и солдаты кричали так, что земля дрожала.

— Пусть предки благословят нашу Великую Шэн!

— Пока не верну заставу Яньгуань, я не вернусь живым!

...

— Отлично!

Се Цяо поднял Лу Цзюэ, вручил ему меч, украшенный нефритовым подвесом, и, глядя в его глаза, полные решимости, сказал:

— Я буду ждать твоего возвращения с победой.

Лу Цзюэ снова поклонился в знак благодарности и ушёл.

Се Цяо стоял на высоком помосте, вокруг него выстроились чиновники. Он смотрел, как солдаты в доспехах, словно чёрная река, текли к воротам города. Лу Цзюэ, верхом на коне, в красном плаще, развевающимся на ветру, уходил с решительным и суровым видом.

Вот таким был настоящий Лу Цзюэ, его вечная привязанность — к заставе Яньгуань и к императору, всё это было связано с его старшим братом Се Чжэном.

Застава Яньгуань была общей мечтой Се Чжэна и Лу Цзюэ, а он, Се Цяо, получил трон из рук старшего брата.

Я император, — подумал Се Цяо. — Теперь я император Великой Шэн. Ты учил меня, что правитель, находясь на вершине, должен склонять голову и видеть своих подданных. Поэтому, Лу Цзюэ, знаешь ли ты, что застава Яньгуань — это и моя мечта. Я хочу быть хорошим императором.

Но я всё же человек, и у меня есть свои слабости. Я не казню Лу Чжао из-за этого, я просто хотел увидеть тебя перед твоим уходом.

Сегодня я хотел сказать тебе что-то личное, но в итоге не смог. Я не хочу, чтобы ты презирал меня.

...

По всему Цзиньлину вдоль дороги стояли люди, провожающие солдат. Многие молодые девушки и пожилые старики шли за отрядом до самых ворот, плача. В этом отряде были их мужья и родные.

Генерал, пройдя сто сражений, возвращается домой в саване.

Поле боя — это место, где выживают лишь немногие, и оно не сулит ничего хорошего.

Пожилый министр, увидев это, вздохнул. Се Цяо сказал:

— Эта битва касается судьбы нашей Великой Шэн, а также жизни и смерти десятков тысяч наших сыновей. Их военные припасы и снабжение отныне будут проходить через мои руки. Как только закончится лето и поступит новый урожай, прошу вас, старый министр, следить за тем, чтобы Министерство налогов подготовило зимнюю одежду и провизию.

— Ваш слуга повинуется. — Седоусый министр, сдерживая слёзы, ответил.

Лу Цзюэ ушёл на несколько месяцев. В Цзиньлине аромат лотоса сменился запахом османтуса.

Молодой Лу Цзюэ казался прирождённым полководцем, за эти месяцы приходило множество сообщений о победах. К началу зимы он уже вернул четыре округа, оставались только Янь и Сюй, всё ещё в руках врага. Народ Великой Шэн был полон радости, все думали, что солдаты скоро вернутся с победой, возможно, даже успеют к Новому году, чтобы встретиться с семьями. Никто не желал ничего больше, чем встретиться в этот день.

Се Цяо стоял на высоком помосте перед главным залом, смотря на север, его глаза были полны тайн.

— Ваше Величество? — Погода становилась холоднее, и Сюй Лай накинул на императора плащ.

— Сюй Лай, Лу Цзюэ обязательно вернётся с победой, вернёт земли, потерянные нашей Великой Шэн сто лет назад, и смоем позор бегства на юг.

— Раз так, Ваше Величество должны радоваться.

— Я, конечно, рад. — Се Цяо, прищурившись, смотрел на заходящее солнце. — Но заслуги Лу Цзюэ слишком велики, они больше неба. Боюсь, что вскоре народ Великой Шэн будет знать только Лу Цзюэ, а не меня.

— Ваше Величество... — Эти слова были слишком острыми, и Сюй Лай не осмелился продолжить.

— Лу Цзюэ и так уже был гвоздём в глазу для многих в правительстве, а теперь, вернувшись, он станет ещё большим врагом. — Се Цяо, не обращая внимания на Сюй Лая, продолжал:

— Ради Лу Цзюэ и ради меня, эти заслуги нужно разделить. Позови Чжэн Фэя, а затем вызови Чэнь Лина во дворец.

Чжэн Фэй был его личным евнухом, Чэнь Лин — молодым генералом из нового влиятельного клана Чэнь, которого он недавно специально вызвал с северной границы. Победа на Северной заставе была близка, и Се Цяо отправил их двоих, чтобы они надзирали за армией и награждали её, а также чтобы Чэнь Лин разделил заслуги Лу Цзюэ. Кроме того, он хотел оказать Чэнь Лину милость, чтобы в будущем он мог использовать его в своих целях.

Искусство государя, искусство баланса — Лу Цзюэ не любил это, но когда-то учил его всему этому.

Но он никак не ожидал, что его обычная осторожность и подозрительность по отношению к Лу Цзюэ заставят Чжэн Фэя неправильно понять его намерения, а Чэнь Лин осмелится выстрелить в спину тому человеку. Это произошло в последнем сражении, перед самой победой. После этого сражения Лу Цзюэ мог бы вернуться домой.

Один неверный шаг, и пути назад больше нет. Теперь он навсегда потерял того, кто был дорог его сердцу, и ни на небе, ни на земле он больше не найдёт Лу Цзюэ. Ему придётся нести вину за косвенное убийство героя Великой Шэн и наказание за смерть своей вечной любви, и это будет длиться вечно.

...

— Старший брат, — Се Цяо в одиночестве стоял на коленях в ярко освещённом храме предков, за окном всё ещё шёл снег. — Возможно, тебе не стоило передавать трон мне. У тебя не было детей, но в роду Се всегда было много наследников.

— До девяти лет я жил в нищете, но старший брат, помня о родственных узах, отправил Лу Цзюэ, чтобы тот вернул меня в императорскую семью. Я никогда не забуду твою доброту.

— Старший брат, все эти годы я держался только благодаря Лу Цзюэ, без него не было бы сегодняшнего меня. Я полюбил Лу Цзюэ, но в его сердце был только ты. Я убил его, убил героя всей страны.

— Старший брат, скажи, Лу Цзюэ думал, что я хотел его убить? Как же он был разочарован в последние минуты... Старший брат, я действительно не хотел его убивать, я был осторожен с ним, но я никогда не хотел ему зла...

— Старший брат, я виновен. Если ты действительно не можешь больше смотреть на это, заведи меня скорее. Когда ты и он встретитесь, сделайте со мной всё, что хотите, я не буду жаловаться.

...

— ...Старший брат, если ты не заберёшь меня, мне придётся жить... Старший брат, мне придётся жить...

За дверью храма Сюй Лай стоял на коленях, его глаза были красными.

За тысячи ли отсюда, в снежных полях, солдаты, возвращающиеся домой, несли гроб в Цзиньлин.

На севере и юге Великой Шэн шёл снег, всё вокруг было белым. Казалось, природа скорбела по множеству ушедших душ.

Се Цяо провёл в храме предков всю ночь. На следующий день он открыл дверь и вышел. Сюй Лай тут же подошёл с плащом.

Император был с тёмными кругами под глазами, его глаза были красными, губы потрескались, а на подбородке появилась небритость. Весь его вид был жалким.

Сегодня снег прекратился, и помост храма предков был покрыт серебристым инеем. Свет, отражающийся от снега, ослепил Се Цяо, и он едва мог видеть. Он поднял руку, чтобы прикрыть глаза, и, когда они привыкли к свету, спокойно приказал:

— Вернёмся во дворец.

<http://bllate.org/book/15506/1377239>